

## Глава четвёртая. Бедняжка

Я...

Дыхание едва не сбивалось, в груди от тяжести не хватало воздуха.

Рука Ся Хуайяня лежала на дверной ручке, но он не смел её повернуть.

Цзи Цинье ничего не сказал, однако от одного его присутствия Ся Хуайянь нервничал так, что язык не поворачивался.

Он не привык к столь близкому общению с другими, а уж испытывая перед Цзи Цинье тайный страх, оказавшись прижатым к двери машины, чувствовал себя ещё более испуганным.

И это несмотря на то, что всего несколько часов назад они были невероятно близки.

Но тогда он пребывал в полном помрачении рассудка и не мог ощутить всё так отчётливо, как сейчас, когда даже каждый вдох и выдох мужчины улавливался им с безупречной чёткостью.

Ся Хуайянь протянул руку и закрыл уши, а дыхание мужчины овеяло тыльную сторону его ладони, обжигая до боли.

То ли ему показалось, но губы Цзи Цинье, казалось, легко коснулись его руки.

Он хотел сказать, что у него нет ничего, что он мог бы предложить взамен, но боялся, что Цзи Цинье сочтёт его неблагодарным и передумает. Помедлив пару секунд, он лишь повторил то, о чём говорил прошлой ночью:

— Чего бы ни пожелал господин Цзи, я сделаю всё, что в моих силах.

Линь Фэн, сидевший на переднем сиденье, услышал голос Цзи Цинье, поднял взгляд и посмотрел в зеркало заднего вида на выражение лица шефа, прикидывая, не упустил ли он чего-то сегодня и не сделал ли лишнего, да и на парковку вовремя ли подоспел.

Мужчина нахмурился, черты его профиля казались резкими, от него веяло отчуждением, а на тыльной стороне запястья под ремешком часов жутковато проступали вздутые синие вены.

Не желая возвращаться с пустыми руками и не желая затягивать, он набрался храбрости и решил обратиться к Цзи Цинье в последний раз — каким бы ни был результат, ему предстояло вернуться и дать Ся Сичэну какой-то ответ.

Цзи Цинье пристально смотрел на него и лишь спустя долгое время отвёл взгляд, отстранившись на прежнее расстояние, словно ничего не произошло.

Аккуратно уложенные волосы открывали едва заметную татуировку на затылке, и при одном взгляде на него казалось, что этот человек способен парой ударов уложить двоих таких, как он.

Остаться в этой машине было уже никак нельзя, и Ся Хуайянь только собрался попросить помощника пока не трогаться с места, как услышал тихое хмыканье сидящего рядом Цзи Цинье.

Тот помощник так и не сел в машину, и никто другой за руль не садился. Ся Хуайянь вспомнил, как в комнате Цзи Цинье говорил, что его время ограничено — интересно, правда ли это.

Ся Хуайянь не знал, о чём думает Цзи Цинье. Он сам был человеком, который легко опускал руки: стоило задеть кого-то другого, и если тот выказывал хотя бы малейшее недовольство, он уже не смел ничего предпринимать.

— Но, — подняв голову, твёрдо произнёс он, — совершать преступления и нарушать закон я не буду.

На этот оборванный на полуслове вопрос собеседник ничего не ответил.

Похоже, дело прогорело.

Летнее утро по-прежнему было знойным, и солнечный свет медленно перемещался с широких просторов земли в недоступные глазу уголки.

В салоне машины внезапно воцарилось молчание, и даже воздух приобрел тяжесть.

Ся Хуайянь не смел ронять ни слова.

Его мочки ушей — тонкие и полупрозрачные — ярко блестели в лучах солнца. То ли они покраснели просто от прикосновения света, то ли из-за стыда и неловкости от отсутствия ответа.

Ся Хуайянь прижался к оконному стеклу, и та часть его тела, что соприкасалась с ним, оказалась залита солнцем, отражаясь бледным ореолом.

Перед тем как заговорить, Ся Хуайянь машинально потеревил край своей одежды, затем на пару секунд поднял взгляд на Цзи Цинье и, слегка поддавшись вперёд, нерешительно переспросил:

— Господин Цзи, идёт?

То, что казалось решённым раз и навсегда, вдруг повисло в воздухе, и в его сердце поднялась невыразимая паника.

Ся Хуайянь вздрогнул и инстинктивно вжался в сиденье.

Стрелка часов на запястье Цзи Цинъе как раз указывала на восемь, когда помощник открыл дверь и сел за руль.

Линь Фэн не стал ломать голову над лишними мыслями и завёл мотор.

Ся Хуайянь тоже был ошеломлён тем невнятным звуком, который издал Цзи Цинъе, а когда пришёл в себя, машина уже выехала на дорогу.

За окном сновали автомобили, густая листва в зелёных насаждениях вдоль дороги скрывала в своей тени пестрые разноцветные цветы, которые тут же проносились мимо, исчезая из поля зрения.

Ся Хуайянь забился в угол сиденья, закрывши ладонью большую часть лица.

Он никак не ожидал, что Цзи Цинъе так легко с ним согласится, и чувствовал, что во всём этом таится какой-то подвох.

Хотя сам он ничего не смыслил в бизнесе, он часто слышал, как старший брат говорил младшему: «Деловые люди, будь то мужчины или женщины, все как один — хитрые лисы. Торговцы никогда не ведут убыточных дел и не станут проявлять слепое милосердие из жалости к слабому».

Разве такой человек, как Цзи Цинъе, станет жалеть слабого?

Иначе с чего бы ему так легко на это согласиться?

Ведь он не представляет собой никакой ценности, ради которой стоило бы соглашаться на столь обременительную просьбу.

Ся Хуайянь не понимал.

Он сидел ровно, исподлобья бросая вороватые взгляды на Цзи Цинъе.

Подумав, что мужчина больше не смотрит в его сторону, он осмелел и стал разглядывать его

уже открыто, как вдруг попался прямо на горячем.

Ся Хуайянь тут же отвёл глаза к окну, а его сердце заколотилось в груди, отдаваясь громкими ударами прямо в ушах.

Странное, необычное чувство.

Поездка заняла около двух часов, и наконец машина прибыла в самый центр Юньчэня.

Юньчэнь в июле жил своей привычной суетливой жизнью: на оживлённых улицах потоком шли машины, а прохожие спешили по своим делам.

Стоило загореться зелёному свету светофора, как пешеходы быстрым шагом устремлялись на другую сторону дороги, и казалось, что праздная и ленивая жизнь бесконечно далека от этого города.

Знакомые пейзажи мелькали перед глазами, и Ся Хуайянь немного взбодрился, собираясь попросить Линь Фэна посадить его в любом удобном месте. Однако, прежде чем он успел раскрыть рот, он заметил, как машина свернула на территорию элитного жилого комплекса в центре города.

Миновав шлагбаум, автомобиль беспрепятственно въехал на подземную парковку.

Всю дорогу Ся Хуайянь сидел вплотную к стеклу и, несмотря на смертельную усталость, не смел даже вздремнуть. Но теперь, когда машина наконец остановилась, его замершее в тревоге сердце вовсе не спешило успокаиваться.

Незнакомая обстановка всегда заставляла его держать оборону.

Цзи Цинье вышел из машины. Ся Хуайянь засомневался, стоит ли ему выходить вслед за ним, но Линь Фэн уже успел открыть перед ним дверцу.

— Спасибо.

Ся Хуайянь поблагодарил его, чувствуя себя неловко оттого, что дольше положенного засиделся в салоне, и тут же вылез наружу, делая пару шагов вслед за Цзи Цинье.

Просторный подземный паркинг гулко отражал звуки. Ся Хуайянь пару секунд постоял с опущенной головой, раздумывая, после чего окликнул идущего впереди Цзи Цинье:

— Господин Цзи, спасибо, что довезли меня до Юньчэня. Если я вам больше не нужен, то я бы хотел вернуться домой.

— Подойди.

Шаги мужчины не замедлились ни на секунду. Бросив всего два слова, он продолжил ровно идти вперёд, а его тон не допускал возражений, отчего Ся Хуайянь так и замер на месте.

Линь Фэн, стоявший между ними двумя, перехватил полный мольбы взгляд Ся Хуайяня и лишь мягко улыбнулся:

— Наш господин Цзи — человек здравомыслящий, вы ведь должны это знать, господин Ся.

Слова Линь Фэна больно кольнули совесть Ся Хуайяня. Мало того что Цзи Цинье не рассердился, так он ещё и пообещал подумать насчёт дел семьи Ся — в глазах Ся Хуайяня это уже выходило за рамки простого здравомыслия, больше походя на поступки бескорыстного благодетеля.

Линь Фэн добавил:

— Здесь не лучший для разговоров район. У господина Ся наверняка ещё остались вопросы к нашему господину Цзи, так почему бы нам не подняться наверх и не обсудить всё там?

Освещение на подземной парковке было тусклым, и силуэт Цзи Цинье почти растворился в полумраке. Линь Фэн тоже собирался идти за ним, а Ся Хуайянь, не смея оставаться в одиночестве в этом месте, кивнул в знак согласия.

Он-то думал, что их разговор с Цзи Цинье уже подошёл к концу, но, судя по всему, вовсе нет.

Линь Фэн пошёл впереди, увлекая Ся Хуайяня в ту же сторону, куда направился Цзи Цинье, и по пути мысленно восстанавливал хронологию их отношений.

Глубокой ночью Цзи Цинье вдруг позвонил ему и приказал навести справки об одном человеке, а заодно купить мужскую одежду не по его размеру.

Тогда Линь Фэн уже смутно догадался, что здесь что-то не так, но сколь бы хорошо он ни знал Цзи Цинье, в тот момент ему и в голову не приходило заходить так далеко в своих предположениях.

Цзи Цинье всегда строго разделял личное и работу, и к подобным «красавчикам», которые едва познакомившись, норовят сблизиться ради выгоды, никогда не применял дипломатических подходов. Сегодня Линь Фэн был поистине поражён.

Мало того что Цзи Цинье не велел избавиться от этого паренька, так он ещё и притащил его к себе домой.

Впрочем, неважно. Конечно же, Линь Фэн не собирался вмешиваться в личную жизнь шефа, он лишь надеялся, что этот господин Ся не станет чинить беспорядок в его работе.

Линь Фэн провёл Ся Хуайяня вслед за Цзи Цинье в лифт, нажал нужный этаж, после чего в кабине снова повисла тишина.

Ся Хуайянь стоял позади Цзи Цинье, опустив голову, послушный и молчаливый. Он поднял глаза только тогда, когда Линь Фэн начал докладывать Цзи Цинье о расписании на сегодня.

Зеркальная стенка лифта отражала стройный и прямой профиль Цзи Цинье, и взгляд Ся Хуайяня пришёлся как раз на его затылок.

Сам он не был низкого роста, а благодаря занятиям танцами обладал вполне пропорциональной фигурой. Хотя в толпе он не казался самым высоким, но и болезненно-тощим себя никогда не считал.

Однако по сравнению с Цзи Цинье, стоило им оказаться рядом, он вдруг показался себе чересчур хрупким, а его плечи — недостаточно широкими.

Внешность Цзи Цинье идеально сочеталась с его фигурой — это был тип людей, к которым трудно подступиться.

Из-за своей пугающей безупречности он казался совершенно недостижимым.

Ся Хуайянь разглядывал Цзи Цинье в зеркальном отражении лифта. Тот был целиком поглощён докладом Линь Фэна, так что Ся Хуайянь чувствовал себя в полной безопасности.

Но когда лифт уже почти достиг восемнадцатого этажа, Цзи Цинье внезапно перевёл взгляд и встретился с ним глазами через зеркало.

Он никак не ожидал, что и это будет замечено — ощущения были совсем не такими, как в машине, когда его ловили с поличным за открытым разглядыванием.

Ся Хуайянь отвёл глаза, а когда поднял их вновь, обнаружил, что взгляд мужчины по-прежнему прикован к нему.

Лицо мужчины оставалось совершенно беспристрастным, но щеки Ся Хуайяня помимо его воли запылали, и он, понурившись, украдкой перешагнул за спину своего спутника.

Цзи Цинье заметил, как спрятавшийся за его спиной человек нервно тербит краек одежды, сбившись с толку и перебирая пальцами туда-сюда, словно неуклюжая и забавная маленькая страусиха, которая только-только научилась прятать голову в песок.

Цзи Цинье отвёл многозначительный взгляд, решив пощадить этого псевдострауса.

Двухуровневые апартаменты на верхнем этаже выглядели сдержанно и роскошно, и, ступив на порог прихожей, Ся Хуайянь невольно стал ступать с предельной осторожностью.

Линь Фэн последовал за Цзи Цинье в кабинет, оставив Ся Хуайяня в одиночестве посреди гостиной.

Тот не смел ни присесть, ни заняться чем-либо ещё — голова шла кругом, а в животе предательски урчало.

Ся Хуайянь только сейчас вспомнил, что со вчерашнего вечера ничего не ел. Он легко похлопал себя по животу, тихонько призывая к порядку:

— Не шуми, в чужом доме это ужасно невоспитанно, так нельзя.

И тут же крепко прижал руку к животу.

— Позвони ттете Сунь и попроси её прийти приготовить обед.

Линь Фэн только успел закрыть дверь кабинета, как идущий впереди Цзи Цинье обронил:

— Купи рыбы.

— А?

Разве вы не терпеть не можете рыбу?

Линь Фэн замялся, бросил взгляд на робкого юношу, всё ещё стоявшего в гостиной, и не посмел задать лишних вопросов.

<http://bllate.org/book/22055/2293380>